

обоих городищах, совершенно неубедительно. Невольно возникает вопрос: почему же синопские и родосские амфоры из Семibrатнего городища (причем среди кийменской керамики Синопа количественно занимает третье место), «минуя его, направляются прямо в Елизаветинское городище» (стр. 118), а для кипдских и косских Семibrатнее городище становится транзитным пунктом. Правильнее считать, что амфоры различных центров доставлялись непосредственно из Фанагории как на Среднее Прикубанье, так и на Семibrатнее городище. Говорить же о доставке вина из Елизаветинского городища в Семibrатнее, как выше было отмечено, нет никаких оснований.

Таким образом, анализ амфор, найденных на Семibrатнем и Елизаветинском городищах, после сопоставления полученных данных с фанагорийским материалом позволяет наметить общую картину существовавших торговых связей Фанагории с синдмеотскими племенами. Что же касается вопроса о внутренних торговых связях между местными центрами, то выводы автора, построенные в основном на одной только бракованной ножке амфоры, без должного учета изменений, происходивших во взаимоотношениях Боспора с местными племенами, являются слишком шаткими и неубедительными. Для правильного решения вопроса о внутренних торговых связях требуется более широкое привлечение материалов и более тщательный их анализ.

Н. В. Анфимов

КСЕНОФОНТ, Анабасис. Перевод, статья и примечания М. И. Максимова, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, 286 стр., тираж 5000 экз., цена 12 р. 40 к.

«Анабасис» Ксенофонта Афинского — один из самых интересных исторических источников древности; автор его был участником, а впоследствии и предводителем экспедиции греческих наемников, сражавшихся на стороне Кира Младшего против его брата Артаксеркса. Он проделал долгий путь почти до самого Вавилона и затем обратно на родину после гибели Кира в битве при Кунаксе. Наблюдательный и образованный человек, Ксенофонт собрал богатый материал о самых разнообразных сторонах жизни Эллады и Персии в V—IV вв. Однако не это привлекает сейчас наше внимание к его труду: при скудости источников, проливающих свет на древнюю историю северо-восточных областей Малой Азии, особое значение приобретают сообщения Ксенофонта о местных племенах, так как дают ценнейшие сведения исследователю. В этом смысле «Анабасис» можно сравнить с произведением Геродота.

Переводы «Анабасиса» на русский язык имеют свою историю. Впервые книга стала известна в России во второй половине XVIII в., когда был издан перевод «Анабасиса» с французского языка, что в то время было обычным явлением. «Анабасис», вышедший в 1762 г. под названием «Повесть о Младшем Кире и о возвратном походе десяти тысяч греков, переведенная с французского Васильем Тепловым», представляет собою образец переводческого искусства в старинном его понимании, при котором владение языком подлинника, передача его стилистических особенностей и строгое следование тексту не считались необходимыми. Работа Теплова и его неназванного французского коллеги — не столько перевод Ксенофонта, сколько его пересказ, содержащий множество дополнений, сокращений и объяснений, т. е. некие вариации на тему «Анабасиса». Об отношении переводчика к оригиналу наглядное представление дает начало книги. Открывая перевод Теплова, современный читатель с удивлением обнаружит вместо знакомого начала длинное рассуждение об истории и судьбах персидской державы, начинающееся так: «После смерти царя Кира Перское государство не имело владетеля, достойного царского имени. При тяжком правлении почитали они за славу ложное сияние величества и всякие роскоши». Многочисленные переводы, вышедшие в свет во второй половине XIX в. (Янчевецкий, Кипарисов, Козаков и др.), в отличие от работы Теплова, сделаны с греческого оригинала и в большинстве своем доброкачественны с точки зрения филологического понимания текста, по

даже лучший из них, перевод Янчевецкого, страдает присущим всем дореволюционным переводам недостатком — он не передает точно содержание текста и художественные особенности оригинала.

Новый перевод М. И. Максимовой как некий этап, завершающий для нас в настоящий момент постепенное приближение к оригиналу, несколько разочаровывает. Правда, он, насколько позволяет судить выборочное сопоставление с греческим текстом, дает в общем правильное понимание его и может служить пособием для того, кто не имеет возможности пользоваться подлинником, но все же вследствие ряда недостатков не может рассматриваться как адекватный заменитель греческого оригинала.

Задача, стоящая перед переводчиком исторического памятника, очень сложна: он, с одной стороны, должен стремиться к строгой точности и ясности в передаче исторических свидетельств оригинала, а, с другой, — умело сочетать точность и ясность перевода с воспроизведением его стилистического облика, ибо только эти две стороны в их совокупности, т. е. содержание текста и его форма, могут дать подлинно историческое представление о характере переводимого источника. Ошибочно полагать, что для передачи исторического источника можно ограничиться только буквальным переводом, оставляя в стороне форму, в которой она первоначально выражалась. В самом деле, использование определенной лексики или стилистическое оформление оригинала в значительной мере помогают нам представить себе социальный облик писателя и ту среду, которой он адресовал свое произведение, а также дают почувствовать историческую атмосферу периода создания памятника, т. е. являются дополнительным средством исторического раскрытия подлинника. Форма текста, которой так часто пренебрегают переводчики, требует к себе особого внимания, когда дело касается греческих или римских исторических текстов, которые самими древними рассматривались как литературные произведения. Исходя из этих двух критериев, нами будет оцениваться новый перевод «Анабасиса».

М. И. Максимова стремилась возможно буквально передать оригинал, сохраняя порядок слов, точно, не пользуясь синонимами, переводя отдельные слова, пытаясь не отступать от греческих конструкций; но таким образом она не приблизилась к тексту, а неизмеримо удалилась от него. Копирование оригинала не способствовало точному раскрытию смысла текста, затруднило его понимание и создало текст, стилистически очень далекий от подлинника и более всего похожий на гимназический подстрочник. Из-за стремления как можно точнее скопировать оригинал, русский текст подчас настолько затемняется, что его трудно понимать. Так, сохранение порядка подлинника создает загадочные фразы, подобные следующим: III, 4, 35: «Ведь своих коней персы привязывают, а, кроме того, ноги у коней, по большей части, стреножены, чтобы они не убежали, оторвавшись». Неясно, о ком идет речь — о конях или о их ногах. II, 2, 9: «Они клялись в этом, зажав быка, кабана и барана, над щитом».

Такой же метод непосредственного перенесения в русский текст иноязычного строя речи применяется М. И. Максимовой при передаче предложений, в которых подлежащее заключено в соответствующей форме сказуемого. Переводчик постоянно в ущерб ясности фразы пользуется в этих случаях личными местоимениями, а не существительными. Примерами такой неясности могут служить: III, 4, 1: «Этот день они (кто? — С. П.) провели в деревнях». В конце предыдущей главы речь шла о пращниках, всадниках и их начальниках; здесь же, как явствует из последующего, имеется в виду все греческое войско. В предложении II, 3, 10: «...Они провели» под словом «они» приходится понимать стратегов и лохагов, даже не упоминавшихся в предшествующем пассаже. Совсем неясная фраза имеется в I, 4, 9: «Отсюда Кир проходит в четыре перехода 20 парасангов до реки Гала... Деревни, в которых они расположились». С фотографической точностью копируя каждую фразу Ксенофонта, М. И. Максимова постоянно обозначает местоимениями даже лиц, о которых рассказывается на протяжении значительного по объему пассажа; так, в отрывке II, 6, 16—20 слл., Проксен только однажды назван по имени, а местоимение «он» употреблено 12 раз, т. е. всякий раз, когда подлежащее заключено в форме сказуемого; Менон назван по имени два раза, местоимение «он» встречается 23 раза. Некоторые

места так перегружены местоимениями, что их трудно понять, например, VI, 1, 21—23: «Он считал, что тот сон, который он видел, когда начал принимать участие в совместных заботах о войске, был послан ему этим богом, и затем он вспомнил...» Переводчик не опускает встречающихся в оригинале местоимений, даже если их передача идет вразрез с русским словоупотреблением; I, 2, 7: «...когда считал нужным поупражнять с а м о г о с е б я и своих коней», или I, 8, 29: «...он умертвил с а м о г о с е б я».

Приведенный материал наглядно иллюстрирует, что простым калькированием оригинала невозможно достигнуть отчетливого и адекватного перевода. Напротив, такой принцип не только удаляет перевод от оригинала, но нарушает и нормы русского языка, создавая, таким образом, недостаточно ясный текст, в равной мере далекий как от русской, так и от греческой нарративной прозы. В связи с этим следует отметить, что в рецензируемом переводе встречается немало прямых погрешностей против русского языка, затрудняющих понимание смысла и создающих неясности, весьма опасные особенно в историческом тексте. Так, например, в I, 4, 18 слово «михоходом» употребляется вместо «по пути» или «проходя мимо» явно в ущерб контексту: «Переправа совершалась всегда при помощи лодок, которые Аброком михоходом сжег, дабы помешать переправе Кира» (ср. I, 6, 1). Неправильно словоупотребление и в следующих местах: VI, 5, 9: «...смогут напасть на расстроеного неприятеля», т. е. не на огорченного неприятеля, а на расстроенные его ряды. III, 4, 18: «Эллины разбили лагерь в повстречавшихся им деревнях», т. е. в деревнях, встретившихся им по пути. Предложение «оскорбление проводника при отсутствии бдительности по отношению к нему» (IV, 6, 3) следует понимать в том смысле, что оскорбление проводника сочеталось с недостаточно строгим за ним наблюдением. IV, 5, 26: «В у р о в е н ь с краями сосудов в вине плавал ячмень и в него (куда? — С. П.) воткнул был тростник». Встречается также прямое непонимание греческого текста, например, в VI, 1, 14 вместо «солдаты постановили не причинять друг другу зла» должно быть: «воины решили не причинять зла пафлагонцам, но и не давать себя в обиду» (ср. V, 8, 25 и др.).

Систематическая модернизация и вульгаризация оригинала переносят читателя из атмосферы IV в. до н. э. совсем в другие эпохи и дают исторически неверный образ автора «Анабасиса». Разве исполненный собственного достоинства олигарх, представитель аристократической верхушки афинского общества, мог разговаривать и писать на таком, например, языке: V, 7, 5: «воины, до меня дошло, что кто-то пустил обо мне клевету», или VII, 7, 40: «...для меня было бы позором устраивать свои делишки». Чего стоят такие «литературные» выражения, как «дело сорвалось» (VI, 3, 9) и «основательная встряска» (IV, 6, 15). Еще удивительнее читать в памятнике IV в. до н. э. фразы, навеянные языком современного нам официального документа; VI, 1, 25: «тогда стали выдвигать кандидатуру Ксенофонта»; III, 2, 38: «обсудить мероприятия»; IV, 4, 8: «достаточная гарантия безопасности»; IV, 8, 27: «соревнование проходило с большим подъемом»; II, 3, 12: «они включились в работу»; II, 4, 22: «создавать с большим подъемом»; II, 6, 13: «постановление правительства». Наконец, отдельные места перевода заставляют забыть о рабовладельческой формации; на страницах начинают мелькать замки (VII, 8, 12), эскадроны и полки (I, 2, 16), солдаты (всюду), вахты (IV, 4, 5), оруженосцы (IV, 2, 20), вассалы (I, 9, 29), царские штандарты (I, 10, 12), снаряды (V, 2, 32), офицеры (21 прим. к III кн.), персидские помещики (29 прим. к VII кн.) и т. д.

До сих пор мы рассматривали те последствия переводческого метода М. И. Максимова, которые по преимуществу касались существа переданного ею текста, — неясностей перевода и исторических анахронизмов в передаче лексики, реалий, специальной терминологии. Несколько слов о воспроизведении самой формы текста, т. е. ее стилистических особенностей. Передача особенностей формы приобретает настоятельную важность особенно в тех случаях, когда дело идет о крупнейших представителях художественной литературы. Ведь воспоминания Ксенофонта — не только исторический источник, но и прославленный памятник греческой худо-

жественной прозы. Познакомившись с ним впервые по переводу М. И. Максимовой, читатель вправе будет задуматься над тем, что же заставило многие поколения ставить «Анабасис» в ряды самых замечательных произведений мировой литературы? Разве при переводе произведения историка, писавшего в изящной аттической манере, не будут грубым нарушением принципа исторического подхода к памятникам отдаленного прошлого приводимые ниже фразы, написанные стилем канцелярий царского времени? IV, 8, 24: «дары гостеприимства в виде рогатого скота»; II, 3, 16: «пальма, оставленная на месте»; VII, 5, 7: «солдаты начали ругать Ксенофонта за недополучение ими жалования». Перевод пестрит канцелярскими оборотами типа: «данный», «с целью», «ввиду»¹.

Мы позволим себе еще на одном примере пояснить это систематическое разрушение стилистической манеры Ксенофонта; VI, 4, 1: τὸ δὲ χωρὶον τοῦτο ὁ καλεῖται Κάλπησ λιμὴν ἔστι μὲν ἐν τῇ Θρακίῃ, τῇ ἐν τῇ Ἀσίᾳ. Эта, не лишенная элегантности фраза — «местность эта, которая зовется Кальпийской бухтой, лежит в азиатской Фракии» — переведена следующим образом: «данная местность, именуемая Кальпийской бухтой, находится в азиатской Фракии».

М. И. Максимова пренебрегает также передачей антитез, столь свойственных реторизованному стилю Ксенофонта: Предложение I, 8, 9: ἄλλοι δ' ἵππεῖς, ἄλλοι τοξόται («одни — всадники, другие — лучники») переводится «были там также разного рода всадники и стрелки». На этой фразе отчетливо, несмотря на ее краткость, заметны самые существенные недостатки рецензируемого перевода; кроме стилистической неадекватности, она обнаруживает неточность (слова «разного рода» не принадлежат оригиналу) и небрежность в передаче реалий, так как слово «стрелки», ассоциируемое в русском языке с воинами, вооруженными огнестрельным оружием, напрасно заменяет здесь точный термин «лучники».

В ущерб ясности переводчик несколько злоупотребляет греческими терминами, свободно вводя в свой текст греческие слова, иногда сбивающие даже знакомого с языком читателя. Так, например, слово «походные клины» (VI, 1, 4) вместо «постели», или «крепида» (III, 4, 8) в смысле «фундамент» заставляют в первый момент задуматься. Нам представляется, что нет особой необходимости употреблять такие слова, как «дифрос» (VII, 3, 29), «просоды» (VI, 1, 14), «стленгиды» (I, 2, 10), «аконтист» (VI, 3, 7), «эномотий» (III, 4, 24), «дорифоры» (V, 2, 4), «анаксириды» (I, 5, 8) и многие другие, которые свободно можно передать русскими словами.

В этой связи нужно сказать несколько слов о транслитерации собственных имен, географических названий и некоторых терминов. М. И. Максимова во многих случаях отстает от традиционной транскрипции, но не выдерживает единого принципа, транслитерируя греческие слова так, что создается впечатление некоторого произвола в их написании. Переводчик, наряду с корректной транслитерацией «Пигрет» (Πίγρησ, ητος), дает и такие, как «Сосис», «Форакс», «Опис», «Тимасий» (Τιμασίωv, ωνος). Неоднократно М. И. Максимова сохраняет греческие дифтонги: «хойник» (I, 5, 6), «Плейсфен», «Клеайнет», «Лебадейя» (прим. 9 к III кн.), «Зевс Мейлихий» (VII, 8, 4), но транслитерирует также и традиционно — «Хирисоф», «Софенет». Дифтонг αι, в начале слова транслитерируемый как «э», иногда передается как «а» («Аэт» вместо привычного «Ээт»), но в ряде случаев совершенно правильно («Эолида»). Вразрез с греческой транскрипцией пишется «Энипалий» вместо «Эниалий». Все это затрудняет пользование указателем, тем более что в разных местах книги один и те же слова подчас транскрибированы по-разному: например, в указателе «Фазис», а в прим. 2 к III кн. — «Фасид»; город Адрамитий в указателе фигурирует как Атрамитий, а там же под словом «Фивская долина» он транслитерирован корректно как Адрамитий. Следует также отметить, что в указателе отсутствуют такие слова, как, например, «Ксенофонт», «Арго» (VI, 2, 1); «Макиста» (VII, 4, 16) и др.

¹ I, 4, 5; 10,17; II, 1,3; 2,14; 5,28; 6,21; III, 1,17 и 34; IV, 1, 22; V, 6,28; VI, 3,24; 4,17; VII, 4,4; 7,10; 8,41.

Комментарий к тексту, учитывающий ряд последних достижений советской и зарубежной науки, носит углубленный характер и во многом поможет читателю понять памятник. В нем имеются, однако, некоторые недочеты. Абсолютно непонятная в контексте фраза — II, 2, 20: «Начальники обещают вознаграждение в один талант тому, кто укажет человека, выпустившего осла в лагерь», не получает в примечаниях никакого объяснения. Место II, 3, 16 о пальмовой капусте и способе ее получения тоже требовало бы комментария. Некоторые примечания совсем ничего не поясняют (прим. 17 к V кн.). Иные примечания неточны. 12 прим. к VI кн. не объясняет специфического характера греческого симпосия; прим. 40 к IV кн. говорит, что панкратий — состязание в беге (!) и в кулачном бою.

В заключение нельзя не посоветовать на выбор издания, которым пользовалась М. И. Максимова. Непонятно, почему она остановилась на устаревшем издании Gemoll'я, когда в ее распоряжении было несколько новых, в том числе текст «Анабасиса», снабженный большим критическим аппаратом, комментарием (где цитируется свежая литература по ряду специальных вопросов, не использованная переводчиком) и обширной вводной статьей. Мы имеем в виду двухтомное издание P. Masqueray, 1930—1931, вышедшее в серии Collection des Universités de France. Обидно, что переводчик не оговаривает причин, побудивших его отказаться от использования более новых изданий, а также и то обстоятельство, почему им сделаны купюры в тексте (II, 6, 6 и 28; V, 8, 4; VII, 4, 7—8 и 10).

Небольшая статья, прилагаемая к переводу (стр. 229—245), не носит исследовательского характера и всех вопросов, связанных с «Анабасисом», касается, как говорится, *ἄρρη δακτύλῳ*. Основная мысль этой статьи о «высокой степени исторической достоверности» «Анабасиса» (стр. 244) не аргументирована достаточно убедительно. Все доказательство этого важного и бесспорного теперь положения сводится к попытке показать, что измерение пройденного пути парасагангаи имеет под собой реальную почву, ибо войско двигалось по государственным персидским дорогам; а под самой высокой степенью достоверности понимается в конечном счете знакомство Ксенофонта с месопотамскими рыночными ценами и точность в определении персидских мер сыпучих тел (стр. 241). Автор статьи не пытается, к сожалению, воссоздать того главного, о чем правдиво свидетельствует нам Ксенофонт, т. е. картины жизни местных племен. В такого рода статье, естественно, хотелось бы получить сопоставление свидетельств Ксенофонта с данными других источников. Тогда основная мысль статьи получила бы подтверждение, и значение «Анабасиса» в античной историографической традиции определилось бы отчетливее.

Серьезные возражения вызывает также анализ политических тенденций «Анабасиса». Слишком бегло упомянув о проспартанской ориентации автора, М. И. Максимова на стр. 235 высказывает мысль, что в этой книге Ксенофонта вообще мало заметна политическая тенденция. Утверждение само по себе странное для историка-марксиста; оно еще более удивительно, поскольку речь идет о таком тенденциозном писателе, каким был Ксенофонт. В самом деле, можно ли ожидать от политического писателя, непосредственного участника экспедиции Кипра, рассказа о ней, не окрашенного отчетливо его политическими симпатиями! Общеизвестны историографические методы Ксенофонта — умолчание о нежелательных для него фактах или отвлечение внимания читателя упоминанием о них вскользь или с помощью ряда камуфлирующих второстепенных замечаний; точно так же поступает Ксенофонт в «Анабасисе», где все события похода передаются с проспартанской точки зрения, а скользкий вопрос о взаимоотношениях с персами обходится полным молчанием и ни разу не всплывает на протяжении всего рассказа. Подробный анализ этих моментов, из которых некоторые не упоминаются переводчиком совсем, вскрыл бы во всей широте политические тенденции воспоминаний Ксенофонта. Недоценка их частично связана с желанием М. И. Максимова, по методу Ксенофонта, камуфлировать подлинное лицо автора «Анабасиса». Только на стр. 234 вскользь сообщается о политической ориентации и мприсозерцании этого убежденного олигарха, сторонника сильной личности, поклонника авантюры, сулящих легкий успех, чуждого главным принципам сократовской

философии, хотя и являвшегося некоторое время учеником философа. Между тем аристократическая идеология, наряду с лаконофильством и более чем толерантным отношением к персам, органично сосуществуя, нашли себе отражение во многих местах «Анабасиса» и определили отношение автора ко всем событиям похода. Биография автора передана также предельно кратко (не использованы и даже не названы ее главнейшие источники: Диоген Лаэртий, Письма сократиков, так называемые письма Ксенофонта у Стобея); совершенно не проанализировано автором статьи развитие социально-политических взглядов Ксенофонта, которое могло бы содействовать определению места «Анабасиса» в творчестве этого писателя. Нельзя не пожалеть, что за пределами рассмотрения осталась и литературная сторона источника, представляющая значительный интерес.

Хотя к книге и не приложен список опечаток, они тем, тем не менее, есть: IV, 2, 13: «Амфрикрат» вместо «Амфикрат»; IV, 7, 1: «откуда» вместо «оттуда»; VI, 5, 17: «отважутся» вместо «отважатся»; VII, 7, 50: «с 1000 гоплитами» и другие.

С. В. Полякова

ПОЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В настоящей статье дается обзор печатной продукции польских археологов за последние годы (с 1945 по 1951 гг.). Статья носит в основном и ф о р м а ц и о н н ы й характер; только в наиболее важных случаях будет сделана попытка дать в общих чертах критическую оценку отдельных трудов. Обзорные основные издания в области археологии Польши ведется в следующем порядке: 1) методология и история археологических исследований; 2) публикации археологических материалов; 3) работы энциклопедического и синтетического характера; 4) аналитические монографии; 5) журналы; 6) научно-популярная литература; 7) информация о трудах польских ученых в области античной археологии.

1. Методология, методика и история археологических исследований. В этой области после войны появилось несколько работ, среди которых самой важной следует считать книгу В. Голубовича «Изучение методов исследования культурных слоев в польской предистории»¹. В. Голубович, в настоящее время и. о. профессора археологии Польши во Вроцлавском университете, критически анализирует методы раскопок, которые применялись польскими археологами, в частности в междувоенный период. Автор на многочисленных примерах показывает серьезные ошибки в исследовании культурных слоев, выделении прослоек, разрезов и локализации археологических находок. Подробно поясняя различия между техникой и методом раскопок, проф. Голубович правильно считает метод раскопок одним из частных методов археологии. Степенью научности методики раскопок он обуславливает методологическую правильность всего исследовательского процесса в археологии. Работа проф. Голубовича вызвала оживленную дискуссию в польской археологической литературе и привела даже к горячей полемике между автором и проф. В. Генселем. Эта книга и связанная с ней дискуссия, несомненно, содействовали повышению исследовательской бдительности в работах польских археологов-практиков и оказали помощь в усовершенствовании методов раскопок. Большинство польских археологов поняло теперь, что правильный выбор метода раскопок неразрывно связан с правильной постановкой исследуемой проблемы. Метод раско-

¹ W. H o l u b o w i c z, Studia nad metodami badań warstw kulturowych w prehistorii polskiej, Towarzystwo Naukowe w Toruniu, Prace prehistoryczne, 2, Toruń, 1948. 210 стр.